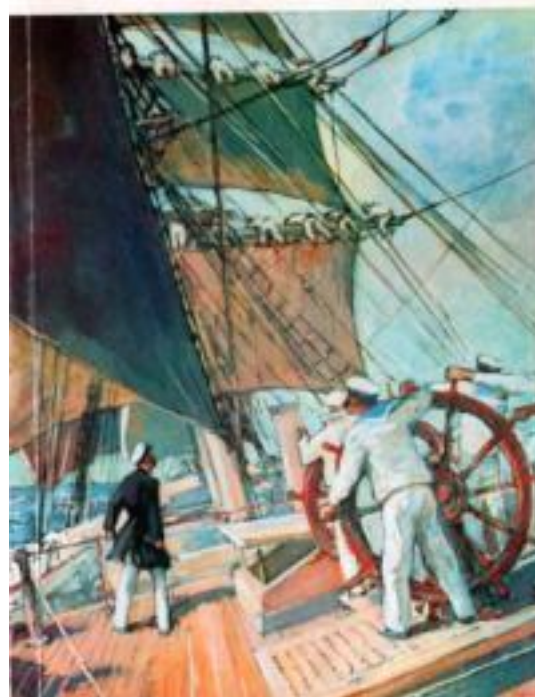

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

На "Чайке"

«Public Domain»

1899

Станюкович К. М.

На "Чайке" / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1899 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Константин Михайлович Станюкович

На «Чайке»

I

На большом, хорошо прикрепленном к полу диване в капитанской каюте, освещенной висючей, раскачивавшейся лампой, спал, слегка похрапывая, Павел Львович Озерский, командир клипера «Чайка», пожилой, смуглый брюнет с черными, сильно заседевшими баками и усами.

Он спал одетый в короткий, старенький буршлат (пальто) с штаб-офицерскими погонами с двумя звездочками и в высоких сапогах, надетых поверх штанов и перевязанных выше колен ремешками.

Пальто на меху, дождевик, фуражка и зюйдвестка висели на переборке около дивана.

Капитан прилегал часа три тому назад здесь, на диване, вместо того чтобы по-настоящему соснуть в спальне, и спал тем беспокойным сном, каким спят моряки во время бурь и непогод, готовый в случае надобности немедленно выскочить наверх.

Должно быть, капитану снился хороший сон, переносивший его в иную обстановку, к близким людям в далекой России, потому что его волосатое, обыкновенно суровое лицо улыбалось во сне и толстые губы по временам шептали чьи-то уменьшительные имена с необыкновенною нежностью.

Очевидно, он был во сне среди своей семьи, оставленной им два года тому назад в Кронштадте, в уютной квартире, где полы не качаются, где не слышен скрип переборок, где ничто не принаитовлено...

Он был теперь далеко от всего этого, хотя и упирался ногами в кромку дивана, чтобы не упасть на пол.

Качка была сильная. Корму так и дергало. Она то стремительно поднималась вверх, вздрагивая всеми своими членами, точно в судорогах, то низвергалась, и тогда пенившиеся верхушки волн сердито облизывали наглухо задраенные толстые иллюминаторы (окна) капитанской каюты и словно бы говорили, что всего несколько дюймов отделяют пловцов от верной смерти в бушующем море.

Сильный удар волны в бок кормового подзора приподнял корму боком. Она на весу вздрогнула порывистее. Каютные переборки закрипели сильнее. В соседней буфетной что-то грохнуло.

И капитан мгновенно проснулся.

Проснулся и, вскочив с дивана, присел, упираясь ногами в ножку стола, и первое мгновение, казалось, был еще под чарами сновидения.

Но в следующую же секунду эти чары исчезли.

Небольшие и опухшие, с красными веками глаза уже тревожно сверкали резким металлическим блеском, словно у вспугнутого волка, почуявшего опасность.

И капитан, весь насторожившийся, прислушивался к доносившемуся сквозь закрытый люк глухому гулу ветра и свисту его в снастях.

Выражение напряженной тревоги исчезло с его бледного, истомленного лица с морщинами на высоком лбу.

Корма по-прежнему поднималась и опускалась с стремительной правильностью. Переборки скрипели с однообразной, раздражающей певучестью. В доносившемся сверху гуле не было ничего угрожающего.

«На руле зевнули, подлецы!» – решил капитан и достал из кармана теплого вязаного жилета часы.

– Третий час! – проговорил он и, казалось, еще более успокоился, так как с полуночи до четырех на вахте стоял лейтенант Адрианов, исправный, хороший офицер, на которого капитан полагался.

– Рябка! – крикнул во все горло капитан.

– Есть! – донесся из-за дверей громкий басок.

И вслед за тем в каюту вошел, балансируя на уходившем из-под ног полу, небольшого роста, коренастый вестовой с заспанным, пучеглазым и довольно продувным лицом, человек лет за тридцать, и остановился у стола, придерживаясь за него рукой, чтобы не упасть.

– Кипяток есть?

– В готовности, вашескобродие!

– Медведя!

– Есть, вашескобродие!

И вестовой хотел было уйти, выписывая ногами мыслете, чтобы готовить «медведя», до которого и сам был охотник, как капитан сказал:

– Двери открой. Жарко. Верно, жарил, пока я спал?

– И вовсе пронзительная погода, вашескобродие! Подложил маленько! – докладывал Рябка, указывая пальцем на маленькую железную, раскаленную докрасна печку, стоявшую недалеко от дверей.

– Скотина! Когда ты поумнеешь?

– Не могу знать, вашескобродие! – с напускною простоватостью отвечал Рябка.

– То-то... нажарил, дурак!.. А что у тебя там грохнуло, а? Опять что-нибудь разбито?

– А графин, вашескобродие, упал из гнезда! – проговорил виновато, моргая глазами, вестовой.

– Из гнезда?.. Я вот тебе гнездо на роже сделаю, если еще из гнезда что-нибудь упадет...

Понял?

– Понял, вашескобродие!

– Ступай и живо медведя... Да поумней, смотри!

– Есть! – отвечал Рябкин.

И, благополучно выбравшись из каюты, шепнул себе под нос:

– Ты-то у меня очень умен, скажи пожалуйста! Только и есть ума, что ругаться!

Произнес он эти слова без злобы, а больше из зубоскальства. Рябка вот уже четвертый год как «околачивался», по его выражению, в вестовых и доволен был своим положением, находя, что вестовым быть куда лучше, чем строевым, «форменным», матросом. Трудное, полное опасности матросское дело не по душе было трусоватому Рябке. В вестовых куда покойнее. Ни трудной работы, ни лупцовки от боцманов, ни порки. Знай себе одного капитана. А к нему Рябка приспособился за четыре года и находил, что с таким капитаном еще жить можно, – такие ли еще бывают!

Этот хоть и ругатель, но дрался редко и не зря, по мнению Рябки, и за все четыре года только два раза приказал отодрать его линьками. Ругался он, правда, за всякую малость, а то и так, для своего удовольствия, но зато был, по оценке вестового, больше с виду сердитый и «прост», так как вовсе не замечал, что Рябка таскает и чай, и сахар, и папиросы, и вино, и при съезде на берег даже одевает капитанские сорочки.

«Небось у него всякого припасу много!» – утешал себя вестовой, когда по временам слишком бесцеремонно пользовался капитанским добром и предпочтительно вином.

Он, впрочем, не находил это предосудительным, хотя и считал капитана за доверчивость человеком небольшого ума. Разрешая себе эксплуатировать капитанскую простоту в преде-

лах пользования разными припасами, Рябка никогда и не подумал стащить хотя бы мелкую монетку из капитанского кошелька, считая это форменным воровством.

Минут через пять Рябка уже нес, выделявая довольно хитрые акробатические движения, чтобы не упасть, стакан крепкого черного кофе, на треть разбавленного ромом. Свободная рука служила балансом. Донести благополучно стакан с жидкостью во время отчаянной качки, когда палуба уходила из-под ног, было нелегко.

– Не расплесни, каналья! – строго окрикнул капитан, имея в виду специальную цель: придать большую цепкость ногам вестового.

– Никак нет, вашескобродие! – отвечал вестовой, прижимая к груди обернутый в салфетку стакан и подаваясь всем корпусом вперед, чтобы сохранить равновесие.

Выждав момент, когда корма, опустившись, была на мгновение неподвижна, Рябка быстро сделал несколько шагов «в гору», сунул капитану в руку стакан и хотел было отойти, но в это время корма уже взлетела вверх, и Рябка растянулся, «клюнув носом» палубу.

Капитан пустил по адресу своего вестового одно из тех приветствий, которыми он обыкновенно дарил матросов и в минуты гнева, и в минуты доброго настроения и за художественность и разнообразие выдумки по этой части заслужил у матросов даже кличку «музыканта». Вслед за тем ловким движением руки, державшей и не в такую качку «медведя», он поднес стакан к усам и, отхлебнув треть, довольно крикнул и, усмехаясь, проговорил не без нотки презрения в своем сипловатом голосе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.